

Выходитъ во Львѣвъ що Среда и Суботы (крѣмъ рускихъ святъ) о 4-8 годикъ по полудни.

Редакция и администрація подъ Ч. 15 плянцъ Маринцкѣй.

Експедиція для мѣстныхъ предплатниковъ уряджена въ друкарни Т. Шевченка (улиця Крива Ч. 2 на 1-мъ поверѣ).

Вѣдъ листы, посылки и рекламация належить пересылати подъ адресомъ: редакция и администрація „Дѣло“ Ч. 15 плянцъ Маринцкѣй.

ДѢЛО

Предплата на „Дѣло“ стоить:

- на цѣлый рокъ . . . 8 зр.
- на пѣть року . . . 4 зр.
- на чверть року . . . 2 зр.

Предплату належить пересылати франко (наилучше почтовымъ переводомъ) до: Администрація ч. „Дѣло“.

Оголошеня принимаются по цѣнѣ 6 кр. а. в. бѣзъ одной строчки печатной. Рекламация неопечатаня вѣднѣ бѣзъ порта.

Рукописи не звертаются тѣлько на попередне застереженя.

Понедѣлю число стоить 10 кр. а. в.

ПРИВѢТЬ ЦѢСАРЯ

черезъ красоваго Маршалка.

Бесѣда, котрою краивый Маршалокъ повитавъ Цѣсаря при вѣздѣ до Львова, привеломъ насъ зробити кѣлька увагъ. Не можемо зрозумѣти, для чого краивый Маршалокъ промоваючи въ имени репрезентаціи краю, отже и рускихъ заступниковъ, увагъ за отиѣтне, надати патриотизмомъ и признанности краивой репрезентаціи до Австрій дати найповѣрливѣшу, бо сего часу лише кѣлька лѣтъ назады. Кр. Маршалокъ вгадавъ о словахъ высканыхъ передъ кѣлькома лѣтами въ адресъ сойму до Цѣсара: „при Тобѣ, Найвѣршійшій Пане, стоимъ и стоимъ хочемо“ и додавъ, що тѣ слова вызванъ Твоимъ виглядомъ насъ великодушнымъ и мудрымъ поступованьемъ, сталися въ того часу (отже доперва бѣзъ кѣлькохъ лѣтъ) проводною мыслію репрезентаціи цѣлого краю“. Надаючи тѣми словами такъ дуже вѣру дати львовлянамъ краивой репрезентаціи, кр. Маршалокъ переступивъ въ своего становнича представителя цѣлой краивой репрезентаціи и подався на становниче партійне. Не думаемо, чтобы на тѣ слова могли бути вдичны кр. Маршалкомъ вѣдъ Поляки, а тѣмъ менше Русскы. Мы жъ мусимо пригадати, що призначенъ бодай руского народа до Цѣсара и до австрійской державы не дается доперва бѣзъ часу, коли теперѣшня бѣльшеть сойму въ початкахъ 70-тыхъ годовъ высказала въ своей адресѣ тѣ слова: „при Тобѣ стоимъ и стоимъ хочемо“, а що противно тѣмъ признанностямъ руского народа а тѣмъ самымъ и его заступниковъ въ соймѣ, якъ бы они ни малочисленны были теперъ, сего далеко давнѣйшихъ часѣвъ. Ще давно передъ тою датию, яку навичають кр. Маршалокъ галицкѣй львовляности, Русскы зацѣнды годили „правдий интереса своего народа и краю съ хосянною дѣлостію о добро цѣлості“ — якъ подѣлься Цѣсарь въ своей

отповѣди на промову кр. Маршалка — и они не мають ніякой причины датувати свои львовляности бѣзъ часу, коли заведене польского языка во вѣдѣхъ урядохъ и школахъ цѣлой Галичины, утвореня кр. рады школьной и именованя министра-Поляка для Галичины переломало наконецъ и середѣ Поляковъ ряды той опозиціи, котра не могла „выгодити мудрого попираня правдивыхъ интересовъ краю съ хосянною дѣлостію о добро цѣлості“. Мы признаемо, що тѣмъ послѣдній концесіи въ користи Поляковъ при рѣвночасномъ неустанномъ гнетѣ польского элементу подъ російскимъ и нѣмецкимъ панованьемъ привернули до Австрій тѣхъ Поляковъ, котры доси все еще выжидали бѣльшестии самостоятельности польской державы при помощи цѣлостивой констелляціи междержавныхъ спорѣвъ и котры доперва бѣзъ часу сумного выходу французско-прусской войны побачили остаточню маршѣтъ своихъ надѣй. Однаковы думаемо, що велика часть Поляковъ, а именно самы польскій людъ и польскѣ малочисленности вѣднѣ Галичины вже давнѣйше не одушевлялись великодержавною идеею польскою, а числячись съ фактичнымъ обстоятельствомъ помирились съ своею принадлежностью до Австрій. Тѣмъ повышѣй слова кр. Маршалка не советѣтъ вѣрны навѣтъ вглядомъ вѣдѣхъ галицкаихъ Поляковъ.

Кр. Маршалокъ выступяючи въ имени краивой репрезентаціи повиненъ буть обчислитися съ фактичнымъ станомъ и не вставляти до своей промовы ничего такого, що моглобы ухитити хочѣбы одной складовой части краивой репрезентаціи, а тѣмъ бѣльше цѣлому народови. Великие кр. Маршалокъ не зволить ни одного руского слова выголосити въ столицѣ Галицкой Руси на привѣтъ Цѣсара, то повиненъ буть замашити бодай неѣрне представленя чувствъ львовляности руского народонаселеня краю и бубо бы далеко отповѣднѣйше, еслибы промова кр. Маршалка во Львѣвъ буба оберталась въ тѣмъ самѣмъ кружѣ идей, які бѣтъ вы-

сказаны пштанѣ Цѣсари на граници нашего краю.

Е. В. Цѣсарь Францъ-Иосифъ I. въ руской академичной гимназіи.

Безпосередно въ салѣ „Народного Дому“ удався Цѣсарь до руской академичной гимназіи умѣщенной на третѣмъ поверѣ. Цѣсарь озидался на першѣмъ поверѣ у стѣны сходѣвъ директоръ руской гимназіи сов. о. Ильинцкій и гимн. инспекторъ Солтыкевичъ въ супровѣдѣ двоухъ учителей. Якъ тѣлько Цѣсарь опустилъ салю „Дому Народного“ поспѣшивъ сов. о. Ильинцкій на встрѣчу Найдостѣйшійшого Гостя и попросилъ его посетити руску гимназію, почтѣмъ Е. В. Цѣсарь въ супровѣдѣ своихъ свиты, Вир. Митрополита и Вир. еп-ѣвъ Ступницкого и Сильвестра Сембратовича середѣ одушевляемыхъ оканчивъ учениковъ руской гимназіи устанавленыхъ двома рядами на сходѣхъ вступилъ на другій поверѣ. На другѣмъ поверѣ устанавлено учительскѣ тѣло руской гимназіи въ окрѣжѣ и пригитало разомъ съ аббранными учениками Цѣсари грѣмкѣмъ „Слава“. Коли Цѣсарь вступилъ до прекрасно устроенной салѣ почитальной овалены на привѣтъ торжественный, милозвучный и одушевляющий свѣтъ „имни народного“, котрый бѣтѣвалъ добрый хоръ учениковъ руской гимназіи подъ проводомъ пров. Вахнинна. Потѣмъ выступилъ ученикъ 8-ой класны, Наумовичъ, а бѣданинъ Цѣсарей потрѣбный поклатѣ выголосилъ съ яснымъ выражомъ и глубокимъ чувствомъ слѣдуючу привѣтну бесѣду въ нѣмецкомъ языкѣ:

„Именемъ аббранный молодѣжи и. к. академичной гимназіи, глубоко урадованной невысказаннымъ щастьемъ, оглядати Ваше Величество посередѣ себе, осмѣлюсь въ найглубшій покорѣ вложити у стѣбѣ Вашей Освященной Особы найсердечнѣйшій чувства вдичности нашой за вѣдъ добродѣтельности, які на насъ въ-

тѣмъ введено сплывають. А надѣ усе зволитъ Ваше Величество прійняти бѣтъ насъ щиросердечну подяку за тѣмъ, що благосклонною ласкою и отцѣвеною старанностию Вашего Величества можемо тутѣ побирати науку въ нашѣмъ материальнѣмъ языкѣ. Наша непоколебима преданность, наша непоколебима вѣрность для Найвѣршійшой особы Вашего Величества, для Преславутого Цѣсарского Дому Габсбургѣвъ неизменно бубе трѣтати. Щастья, градады и благодать Божа най сильнѣе въ пребогатѣйшій щедрости на угнѣчану голову Нашого Найдорожшійшого Цѣсара. Слава! Многая лѣта!“

Хоръ свѣтлѣмъ мовѣмъ продовжяючи тѣмъ правдивымъ одушевляемъ, высказанъ привѣтнѣй слова бѣтѣвалъ радѣстне: „Многая лѣта“. Цѣсарь бубѣтъ, глубоко троненый тѣмъ щиросердечнымъ привѣтомъ и съ великодушною благосклонностию возлижился до бесѣды и сказалъ: „Sehr hübsch gesprochen. Ich bin wirklich verwundert und sehr erfreut, dass ich in Ihrer Person einen Schüler finde, der eine so treffliche deutsche Aussprache und eine ganz richtige Accenturung besitzt.“ Потѣмъ роштытувалъ бесѣды до родины мѣстце и где бѣтъ уважати доси до школы, на що тѣмъ же отповѣдѣ, що першу класу скѣнчили въ Коломышѣ, а черезъ шѣсть дальшыхъ класъ учащясь до руской гимназіи.

Оттамъ свитавъ Цѣсарь пров. Вахнинна, управляющаго хоромъ учениковъ, чи тѣмъ свѣтлѣмъ брали участь въ бѣтѣвалю кантаты, и съ повнимъ уваженьемъ выразилъ о свѣтѣ учениковъ руской гимназіи, а особенно похваливъ прѣхорошій басъ ученика (8-ой кл.) Крайцкогѣ. По представленю вѣдѣхъ членѣвъ учительского тѣла руской гимназіи попросилъ дир. о. Ильинцкій Цѣсари до притѣмъзачной (меншон) салѣ, тожъ само прекрасно устроенной, где Цѣсарь съ великою увагою переглядалъ богато наградаженъ и искусно уложенъ прайцѣ учениковъ: вольнурчій рисунки, краснѣды, рисунки геометричній, бѣтѣнки въ свѣтѣ клас-

ВЕСТАЛАННЕ СВАТАНЬЕ.

Образокъ зъ галицкого житя.

II.

(Далше.)

Панъ Семень не стямивъ, якъ его нашою окрѣжили и облодали пуделками та пакунками, якъ его хата наповнилась живымъ гаморомъ и якимись пахощами жыночой туалеты. Онъ не знавъ, що съ собою зробити, що говорити и тѣлько кланявся.

„Ахъ яка страшна дорога!“ бѣдклася перша дама.

„Тѣлько Богъ хоронитъ наше житя“, ошалався другя, „а то вѣдъ буба бѣтъ прощались въ воду.“

„Ахъ якъ у насъ тутъ мило!“

„Quelle vie!“ сшалався друга дивлячись крѣвъ бѣно. „Яка чудна околиця въ бѣтѣ, а якъ поганъ дороги.“

„Та шо въ такую пору, въ часѣ бѣтѣвету, коли вѣдъ йдуть.“

„Ахъ, така дорога стане сама за шкату.“

„Вы, пане профессоръ, не бѣдали на бѣтѣвету?“

„Нѣ!“ лѣдно шо проговорилъ профессоръ. Онъ все шо не мѣгъ прійти до себе. Онъ не мѣгъ виднѣтиса на тѣмъ чуднѣмъ панѣ, говоривъ, выстроивъ, съ ма-сками на лицѣхъ, въ фантастичныхъ ка-

пелюхахъ, съ цѣлыми концами чужого волоса на головахъ. Онъ дивився, якъ они трѣпотались мѣвъ свѣрѣ гуся на водѣ и разѣ въ разѣ модами передъ нимъ, якъ бы въ своей хатѣ и передъ давнымъ знакомымъ. Они адалиси ему никимъ великими панями, мабутъ чи не обшарпательками, тѣлько троха чудными, бодай не такими, якъ панѣ Бжужковска. Середѣ нихъ чувся бѣтъ якійсь не свой, а постать пана Гулийпольского, що мовчально хиталась на крѣселѣ, ще побѣльшала его по-мѣшанье.

„Вамъ мабутъ тутка дуже весело житя. Ничого намъ шукати забавы где-ниде. А шкѣда, що мы не буби на бѣтѣветѣ. Бубо богато гдѣчого интересного, Бубо богато шпанты, жыноче товариство дуже доброе. У не. ншѣора буба весела забавя.“

„Онъ намъ доводитъ бѣльшымъ родичомъ“, повернула друга панѣ, „и мы тѣлько на его вопросны пошхали. Нашей стороны дуже худнѣй, монотоннѣй, не ма съ нимъ житя — просто худнѣе.“

„У насъ мабутъ шпанше, въ насъ бѣльше мѣста и все таки при гостинци, бѣльше гостѣй навѣщуютъ. У насъ степеня глушнѣ, и мы данно пошхемъ съ гадкою промѣнати нашу мѣстность на другу, бѣльше свѣта, бѣльше цивилизаціи, а то прійдѣсь адичѣти.“ И заемѣла въ дави-

камъ смѣхомъ, викаючи крѣвъ маску миленько на профессора своими блестящими очима.

„Я не выдержу бѣльше въ тѣхъ Корытахъ, моя миленька“, говорила друга, и бѣтъ звертаючись до сестры, але въ коса поглядяючи на профессора. „Я розхорумѣлъ, якъ бы мала и довше тамъ оставатиса. Се мѣй грѣбъ такъ нуды, така одностайность, така проза — суха проза, огидна!“

„Ахъ и я, моя серденько, рада вырватиса кождой хвилины въ той норы — въ того Корыта. Колибъ се не стародавна спадщина по нашѣй родинѣ, не наше рѣднѣе гнѣздо, а бы й ногою не ступила въ ту домовину. Мы, серденько, мусимо збунтуватиса, зробити революцію противъ нашего Зигмунда, бо бѣтъ невопранный консерватизмъ держитъ тѣхъ Корытъ, якъ рошлеть свои дивлетѣи. Не правданъ, пане профессоръ, що конче треба зробити революцію. Правда, яка то оригинальна жыноча революція.“

„О правда, правда“, отповѣдѣ наконецъ панѣ Семень, бо й ему самому бубо вже сонѣтѣво довше мовчати. „Жыноча революція се дуже страшна рѣчь. И бачитѣ вже въ мѣвѣтъ житю жыночу революцію. Страхъ! Не дай Боже повторитиса.“

„Чуашъ, Зигмунда, яка страшна жыноча революція“, заемѣла въ панѣ. „Вы бачили революцію жыночы?“

„Ой бачилъ — страшну, страшну.“

„Зробитѣ ласку, розкажѣтъ, пане профессоръ, яка се буба революція.“

„То есть, страшна, ласкавый панѣ, съ цѣпями, косами, рѣзаками, кождѣями, жѣтлами, то есть рѣзкими шаридами благодарекими, якъ тѣлокъ съ жѣтлами, помѣлами, комергами и, простѣтъ за слово, лѣватами и шлами.“

„Ха, ха, ха“, заемѣла въ веселѣ панни. „Та се справдѣ цѣсь нечуваного и страшного. Гдѣжъ то найшлися такъ оригинальнѣй революционетки?“

„На салѣ, ласкавый панѣ, не меншѣмъ, якъ Голошты.“

„И побили певно своихъ членѣвѣвъ.“

„О нѣ, ласкавый панѣ, они билися за своихъ членѣвѣвъ!“

„За своихъ членѣвѣвъ! Такъ певно самѣ мѣли собою?“

„Нѣ, не мѣли собою, то есть, не самѣ съ собою, а съ войскомъ!“

„Съ войскомъ!“

„Съ войскомъ, ласкавый панѣ, съ войскомъ оружанымъ, то есть, съ шаблями, еписами и гвѣрами; то есть, съ кѣнѣницею бился они, въ пѣшошню громады, то есть, такъ пѣшошню, котре хотѣла мати громада и процесувалася за него съ дво-ромъ покликующимъ на ивѣдѣтъ, то есть, шо и бѣтъ то громада зъ дѣда-прадѣда, бѣтъ

